

Свадьба в Ситне. Словацкая народная сказка

Издавна славилась Себехлебы музыкантами, но самые знаменитые были те, что играли с Самко Дудиком. Других таких у нас ни тогда, ни после не знали. Слух о них, об искусной игре разнесся далеко, приглашали их и в ближние и в дальние деревни и дальше, да только Самко с товарищами далеко не захаживал. Ну, а молва о них передавалась из уст в уста во все концы.

Так уж заведено на белом свете – один родится за сохою ходить, другой – топором или молотом махать, а Самко Дудику назначено было судьбой на скрипке играть, тешить народ музыкой. Он еще смалу, только на ножки встал, песню запел, любо слушать было, так ладно и чисто выводил, вся деревня диву давалась, под Дудиков тын сходилась. Отец Дудик вздыхал и приговаривал:

– Ох, сынок, сынок, что из тебя будет?

А сыночек про то и думать не думал.

Когда сравнялось ему семь годков, случилось так, что пастух забыл у них дома свою жалейку. Самко взял ее в руки, повертел так и эдак, дунул раз–другой да потихоньку–полегоньку заиграл на жалейке песенку. С той поры ни о чем другом он не помышлял, все только о жалейке.

Покамест отец не купил ему скрипочку.

Чему бывать, того не миновать, говорит присловье. Было Самко написано на роду стать музыкантом, вот и пришлось отцу раскошелиться и купить сыну скрипочку.

Забрёл как–то раз в Себехлебы цыган Феро со скрипочкой под мышкой и, будто нарочно,– прямиком к Дудикам. Побренькал по струнам и говорит:

– Купите мою скрипку.

Мать на Феро рассердилась, кричать начала – виданное ли дело, чтоб мужик деньги на скрипку переводил! Готова была цыгана взашей из сеней вытолкать. Да и старый Дудик, отец Самко, спервоначалу вслед за женой на цыгана накинудся. Не надобна ему скрипка – ни самому, ни сыну! Да легко ли цыгана спровадить! Уговаривал Феро Дудика, умасливал, уещал, а тут и Самко подоспел. Стоит, глядит, глаз от скрипочки не оторвет. Ах, кабы ему такую! Но, слыша речи отца с матерью, не посмел просить.

Однако у старого Дудика сердце было не камень. Увидел он, как Самко на скрипку во все глаза глядел, перестал цыгану перечить и – вот чудеса! – купил сыну скрипочку.

Таким вот путем попала скрипка в руки маленького Самко. Играл он поначалу тайком, не слыхали его ни отец, ни мать и никто на свете. Но Самко и вправду родился музыкантом, скрипка так и пела у него под смычком. А когда Самко первый раз показал свое умение, старый Дудик даже смеялся от радости, надивиться не мог: и откуда у сына что берется, как он легко и искусно смычком–то выводит! А мать только ахала да руками всплескивала, глядя на даровитого сына.

Прошли годы, и Самко–скрипач стал знаменитым, и его сотоварищи прославились. Прежде–то отродясь здесь не слыхивали таких напевов и такой мастерской игры. И ни одна свадьба у нас, ни именины, будь то у пана или у мужика, не обходились без этих музыкантов. И до чего же хорошо играл Самко! Стоило ему разок услышать какой напев, он сразу перенимал его и уже выводил сам. Люди слушали его наигрыши, и каждая жилочка у них играла, ноги сами в пляс шли, а уж если печальное что заведет, так у людей сердце от горести надрывается.

Вот однажды сидит Самко дома один, смотрит в окошко на двор. Вдруг кто–то стучится в дверь.

– Заходите, заходите,– откликнулся Самко и только удивился, что он во дворе–то никого не видел, хоть и в окно смотрел.

Отворилась дверь, и вошел красивый статный детина, одетый в белые суконные порты и вышитую льняную сорочку, на голове у него шляпа, подпоясан был молодец широким поясом с набором, какой носят лесорубы, а в руке топорик на длинной ручке – валашка.

Переступил порог и смело поздоровался:

– Добрый вечер дай вам бог!

– Дай боже и вам! – отвечал Самко, поднялся из–за стола – гостя приветить, руку подал, сесть попросил, а уж после заговорил: – Откуда ты, приятель, и по какому делу?

– Скажите сперва, дядя, верно ли, что попал я в дом Самко Дудика? – спросил гость.

– Верно. Я это. За каким же делом ты ко мне пожаловал?

– Прислали меня. Послезавтра на Ситне свадьба, я за вами пришел, за вами и вашими музыкантами.

– Кто же сына женит или дочь замуж отдаёт? – допытывался Самко.

– Про то после, дядя. Главное, не забудьте, через три дня свадьба. Как солнце зайдет, чтоб вы туда поспели. Под Ситенцом вас будет дожидаться провожатый, с ним и пойдёте.

Самко и радовался и сомневался – не по душе ему пришлась затея. Но больше уж ни о чем он гостя не спрашивал, видел, что нет у того охоты язык распускать.

– Вот задаток,– сказал гость, достал из–за пояса новехонький золотой дукат и положил на стол перед Самко.

Самко глазам не поверил. Протер его ладонью – не мерещится ли? Дукат звякнул о столешницу и подкатился прямо к Самко. Самко скорей руку подставил, чтоб монета на пол не упала.

А гость будто и не заметил ничего и продолжал:

– Ждём вас. Придёте к Трем родникам и на дудке знак подадите. И к вам выйдет провожатый.

Самко знай головой кивал.

– Доброй вам ночи и до свиданья! – попрощался гость и открыл дверь.

Хотел Самко проводить его, да гость прямо перед носом дверь затворил.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Вечером созвал Самко всю компанию и рассказал, что и как было. Подивились они и засомневались, но Самко был у них главный, они его во всем слушались, как скажет, так и поступали.

– Я вот как полагаю: лесные молодцы, разбойнички, погулять задумали. Не иначе, как на Ситне,– сказал Адамец, тот, что играл на контрабасе.

– Может, женится который из них,– задумчиво добавил Адам; он играл на свирели.

– Кто да что – не наша забота, нам все едино,– решительно добавил Влчко, вторая скрипка.

– Так тому и быть,– заключил цимбалист Стахо.– Самко и задаток взял – ни много ни мало целый дукат, наше дело пойти, как сказал тот пришелец.

Все согласились. На третий день с самого утра отправились наши музыканты в путь.

Только первые лучи солнца осветили верхушки деревьев, они уже были в лесу. Отдохнули немного в холодке и двинулись дальше к Ситнецу.

Целый день пробирались они лесом, подымались по крутым склонам. Часто садились отдыхать, поджидали отставших, кто тащил цимбалы да контрабас. Этим тяжелей всех было, и товарищи помогали, брали у них инструменты и несли на плечах. Заросли тут были такие густые, что на телеге и не проехали бы. Солнце уже клонилось к закату, когда добрались они до Трех родников. Присели, достали еду из узелков, что дома им собрали в дорогу, и сообща подкрепились.

Солнце зашло, и Адам заиграл на свирели, как и велено было.

"Фью–фью–фью",– отозвалось в лесу.

Сперва было тихо, потом услышали они – кто–то сквозь заросли пробирается к ним. Оглянуться не успели, высокий, чуть не с гору, молодец стоял перед ними; усы куделью торчат, одетый как и Самков гость, что приходил музыку заказывать,– в белые порты и вышитую сорочку.

– Добрый вам вечер, люди! – поздоровался он с музыкантами.

– Добрый вечер и тебе дай бог! – откликнулись они.

– Ты нас отведёшь? – спросил молодца Самко.

– Я. Берите свои инструменты и следом за мной ступайте, путь у нас неблизкий.

Устали музыканты, не очень хотелось им идти, да что поделаешь? Доплелись сюда, придется плестись и дальше.

– По сторонам не оглядывайтесь и помалкивайте, смотрите, как бы вас лес не затянул; где вы пойдёте, там нога человеческая еще не ступала,– поучал их провожатый.

– А ты кто, зверь, что ли? – сердито проворчал Влчко.

– Кто я, не тебе знать,– сказал, как отрезал, провожатый и зашагал впереди.

У музыкантов холодок пробежал по спинам, да делать нечего – подхватили они инструменты и потянулись за ним, по сторонам не оглядываются, ни слова не говорят.

Шли они, шли напрямик через густые заросли, по бездорожью. Совсем стемнело, впереди не видно было ни на шаг. Спотыкались они, едва не падали.

– А ну, смелей, молодцы, скоро выйдем на ровную дорогу! – ободрял их провожатый.– Скоро и на месте будем!

Зашагали они проворней, и вот под ногами у них уже не мягкий мох, а голая скала оказалась. Потянуло ледяным ветерком, будто вступили они в огромную залу. Они замедлили шаг, а провожатый остановился и говорит:

– Вот и пришли. Кладите инструменты и ждите.

А сам исчез.

Стали они озираться, где бы сесть, да ничего не высмотрели, а тьма кругом все густела, и холод сильнее пробирал.

Чудная ждала их свадьба, куда позвали наших музыкантов. Где же венки и цветы, где столы со сладкими пирогами? Где невеста с женихом, дружки и подружки, где все гости? Никого не видать, только лес дремучий шумит.

И тут вдруг зажглись факелы, вышел их провожатый и приказал:

– Сюда садитесь, играть будете!

С такими словами вывел он их на середину поляны на пригорок, а сам опять исчез, как сквозь землю провалился.

Что было делать музыкантам? Сели они, стали инструменты настраивать.

Бренькают, тренькают, а тут за скалой послышался шум, пение и крики.

– Видать, свадебные гости идут,– сказал Самко потихоньку и взялся за скрипку.

Заиграли они лихой, веселый танец, такой, что скалы дрогнули. А как увидели свадьбу, едва не окаменели. Не было там ни жениха, ни дружек, только лесные молодцы–разбойнички, почему–то бледные, и на ходу выплясывали, подскакивали вокруг невесты. А невеста? Белее снега, будто её из гроба вынули, не смеялась она, шла как во сне, не поднимая глаз, а вокруг неё – разбойнички. Идёт, слова не молвит, головой не кивнёт. На виселицу – не под венец так идут, сказали б вы. Ни платка на ней, ни венка, черные волосы до земли распущены. И гости не наряжены. Глядят наши музыканты на разбойную ватагу, и страх им сердце сжимает. Ох, не видывали они еще такой свадьбы! А парни, что вокруг невесты пляшут, на музыкантов и не глянут, то кружатся, то запрыгают, перебирая ногами, валашками над головой завертят, из полных штофов прихлебывают.

Вдруг один подлетел к музыкантам да как заверещит:

– Вы что играете? На похороны, что ли, пришли?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Музыканты опешили, а Самко глаза вытаращил, узнал в молодце своего гостя, что музыку заказывал. Лицо у него будто восковое, глаза из-под бровей как уголья горят. Замахал он валашкой над Самко, от страха скрипач только зубы стиснул – не дай бог промахнется разбойник, по голове валашкой зацепит.

Милая замуж шла, мать родную позвала... – затянул разбойник дурным голосом над самым ухом у Самко.

Ледяным холодом повеяло от его лица. Оробел Самко, а после подхватил песню, заиграл, и заплясали все разбойнички, как и положено на свадьбе – со свистом, криком, улюлюканьем, ногами коленца выделявали.

Потом сели все за угощение. Притащили жареных баранов, ели мясо, грызли кости, весело пили. Дали мяса, меду и музыкантам, доброго меду, такого в Себехлебах ни тогда, ни после музыканты не пробовали. Музыканты наелись, напились, про страх забыли и грянули веселую плясовую, как и всегда на деревенских свадьбах под Ситном играли.

А разбойники все плясали под огромным дубом. То один, то другой выбежит из круга, всадит валашку в толстый ствол, схватит невесту, покружит её да и поставит опять у дуба, будто куклу деревянную. И так плясали один за другим с невестой, а потом ставили под дубом, словно неживую. Музыканты уже не дивились, хмельное малость ударило им в голову. Они лихо наяривали, а разбойники плясали, то и дело подбегая к музыкантам, и новехонькие дукаты в контрабас кидали.

В полночь снова подали угощение, и музыканты еще подкрепились.

Разбойники ели, а Самко отошел в сторонку, прогуляться опушкой леса. Идет, видит, строение – то ли рига, то ли конюшня. Стал двери искать, внутрь хотел зайти, насили нашел по другую сторону каменной стены. Отворил дверь, смотрит, тут и конюшня, и хлев, полно животных всякой – лошадей, коров, волов. Стоят, к желобам привязанные, все сытые, гладкие на загляденье. Вошел он и вдруг слышит:

– Здравствуй, Самко! Ты откуда взялся?

Самко вздрогнул, испугался, но потом осмелел, ведь по имени его только знакомый какой мог позвать. Озирается, а рядом – ни души. Кто ж его мог окликнуть?

Видит, возле него конь в стойле головой мотает.

"Уж не он ли меня кликал?" – подумал Самко.

И правда!

– Эй, Самко, помнишь ли ты жупана из Ладзян? – молвил конь человеческим голосом.

Скрипач от удивления глаза вытаращил.

– Я это, я, ладзянский жупан, – повторил конь человеческим голосом. – Знаю, бесчестно я жил на свете, скольких крестьян подневольных по моему приказу выпороли! Люди меня проклинали, и проклятья их сбылись, я вот в коня превратился.

Самко ушам своим не верил. Поглядел на коня – конь и конь, как и все кони.

– Помнишь ли, Самко, как ты играл мне? – продолжал конь. – Ты был мне друг, а я тебя в кутузку ни за что ни про что посадил. Ты уж прости. Напоследок хочу отплатить тебе добром. Слушай совет мой. Ты небось и сам заприметил, что здесь все не так, как у людей. Заколдованное тут место, на Ситне. Помни и слушай хорошенько, что я тебе скажу! Накидают вам лесные молодцы в контрабас дукатов, знай, что это не настоящие. Из Ситна уйдёте – дукаты горстью сора обернутся. Сделай крестик на контрабасе, дукаты останутся дукатами.

Конь-жупан заговорил потише, Самко ближе подступил к коню, чтобы слышать его лучше и поблагодарить за добрый совет, но конь не дал ему слова сказать.

– Слушай дальше. Будут с вами расплачиваться, денег не берите, а просите сор, что в углы заметен. Понял? А теперь спешу, разыскивают тебя. Про меня никому не рассказывай, а домой вернешься – помяни добрым словом.

Конь умолк, а Самко заторопился прочь. Неподалеку от конюшни встретил он Адамца. Тот искал его. Самко – молчок, ни словом не обмолвился, где был, с кем говорил, а когда подсел к товарищам, потихоньку начертил на контрабасе маленький крестик.

И так они всё играли, всё играли, а разбойники с девицей всё плясали, чуть не дрались за нее, а как загорелась на небе заря, все разом исчезли неведомо куда, как и появились невеста откуда.

Музыканты сильно устали, отложили инструменты, сидят, по сторонам беспокойно озираются, не знают, что делать, да никого не видать вокруг. Тут подошёл мужик-гора с кудельными усами и, как накануне, поманил их за собой. Пошли они. Усатый провёл их через узкую дверь в скалу. В скале оказалась большая просторная пещера. Не было в ней ни стола, ни скамейки, только мешки посреди стоят, а по углам кучки сора.

– Ну, музыканты дорогие, вы для нас хорошо постарались, теперь наш черед рассчитаться с вами, – сказал он.

Самко тут вышел вперёд и говорит:

– Спасибо на добром слове, я рад, что мы угодили вам. Ну, а коли ты завёл разговор про плату, то наша воля такая: хочешь нам заплатить – дай сору, что по углам лежит.

Музыканты нахмурились, едва удержались и не бросились на него, не поняли, зачем чудную плату запросил. Но перечить не посмели. Самко был у них главный, ему музыку заказывали, ему и плату определять. Мужик ничего не ответил, головой кивнул, а Самко к одной кучке сразу подошел и насыпал две горсти в кошель, что при себе имел. Его примеру и остальные музыканты последовали.

Собрались они в дорогу, и мужик-гора повёл их. Вышли они из каменной палаты через дверь в скале и очутились в густом лесу. На дворе была еще ночь, а в самом лесу еле брезжило. Мужик-гора подал голос:

– Вот и пришли. Ждите терпеливо, пока солнце взойдет. А солнышко взойдет, сами увидите, куда вам идти.

Сказал он это – и раздался страшный треск и грохот, будто гром грянул либо скала о скалу ударила, и мужик исчез. Как провалился. Музыканты постояли, постояли, да тут усталость их сморила, сели они и заснули как убитые. Проснулись, а на дворе ясный день.

Протёрли музыканты глаза – глядь, а они под тем самым дубом у Трех родников, где вчера провожатого дожидались. Не долго думая, подхватили они свои инструменты, скрипки да цимбалы с контрабасом, и – давай бог ноги, прочь от этих гиблых мест. Дух перевели уж когда до себехлебской межи добежали. Тогда потише пошли, пот с лица утирают. Никто слова не обронил, все только о пережитом думали, что видеть и слышать им довелось в горах у Ситна.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А что же с кошельками сделалось, где невиданная плата лежала? Будто по чьему велению попадали кошельки у них из рук, когда наладились они вытряхнуть никчемный сор да взяться за Самко – зачем просил сор, а не деньги за их старания? Поднял свой кошелек один, поднял другой, поднял и третий – и все кошельки тугие да тяжелые, будто свинцом налитые.

– Ах, проклятье, что еще за напасть? – запричитал старый Адамец и подкинул кошелек на руке.

Стали музыканты кошельки развязывать и видят, сора как не бывало, во всех кошельках золотые звонкие дукаты. Сейчас только поняли они, отчего Самко сор – не деньги выбрал. Но сколько они ни допытывались, откуда он дознался, что сор деньгами обернется, он так и не сказал. Сдержал Самко Дудик слово, данное коню-жупану в Ситне.

Пришли музыканты в родную деревню, а им тут несказанно удивились.

Повстречали они на околице старую Кршачеву, а та, едва увидела их, руки воздела и заголосила:

– Ой, люди добрые, где же это вы пропадали?

Настал черед музыкантам удивиться. Остановились они, глядят на старуху и думают: не помутилось ли у ней в голове? Да старуха в своём уме была, а они узнали, что с той поры, как ушли они в Ситно из деревни, три месяца прошло. Никто уж и не чаял увидеть музыкантов живыми, их давно оплакали. Музыканты диву давались, а их рассказам о Ситне никто не верил. Показали музыканты золотые звонкие дукаты, только люди все равно не поверили, и знай, приговаривали:

– Ах, нечистые это дукаты, как и всё, что приключилось с вами, нечисто.

– Покропить бы их святой водой,– подсказала старуха Кршачева.

Музыканты только посмеивались. Кропи не кропи, дукаты остались дукатами. Откуда они у разбойников? Их разбойники у богатых панов взяли. А паны? С бедноты содрали, с крестьян, что спину на них от зари до зари гнут.

И будто бы немало тех дукатов в Ситне спрятано, да неведомо, как подобраться к ним.

Может, нашёл бы к ним путь знаменитый скрипач вроде Самко Дудика из Себехлеб, да только не родился на свет другой такой, вот и лежат дукаты в той скале нетронутые.